

РЕГИОНАЛИЗМ В ИСТОРИИ МОСКОВСКОЙ РУСИ: проблемы концептуализации

И.А. Кирпичников

Аннотация. В статье анализируются концептуальные основания ключевых историографических подходов к проблеме регионализма в истории Московского государства раннего Нового времени. Историография данной темы представлена как конкуренция трех теоретических проектов, центральные положения которых подвергнуты систематической реконструкции. В рамках этатистского прочтения российской истории, которое являлось доминирующим вплоть до последних десятилетий XX в., регионы рассматриваются как временные препятствия на пути строительства централизованного государства. Федералистская концепция, сформировавшаяся в атмосфере реформаторских ожиданий середины XIX в. и не получившая развития в последующей историографии, описывает Московское государство как ассоциацию областей. Наконец, современные исследования регионализма фокусируются на сложной структуре взаимоотношений между государством и регионами, опираясь на понятие интеграции и интеракционный подход. Предложенный способ историографического анализа дает исследователю инструмент концептуальной рефлексии и может стать ресурсом теоретического воображения.

Ключевые слова: историография, историческое знание, интеллектуальная история, национальный нарратив, государственная школа, областничество, регион, Московское государство, Смутное время.

Для цитирования: Кирпичников И.А. Регионализм в истории Московской Руси: проблемы концептуализации // Преподаватель XXI век. 2022. № 3. Часть 2. С. 272–285. DOI: 10.31862/2073-9613-2022-3-272-285

Благодарности. Статья написана при поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект № 22-18-00151 «Изменения состава и облика правящей элиты Русского государства в переломные периоды российской истории в XVI–XVII вв. (боярское правление, опричнина, Смутное время, царствования Алексея Михайловича, Федора Алексеевича, регентство царевны Софьи)». Я благодарю участников Байкальской международной школы социальных исследований 2022 г. за плодотворное обсуждение некоторых идей, развиваемых в настоящей статье.

REGIONALISM IN THE HISTORY OF MUSCOVITE RUSSIA: Problems of Conceptualization

I.A. Kirpichnikov

Abstract. The article analyzes the conceptual foundations of the key historiographical approaches to the problem of regionalism in the history of the early Muscovite state. The

© Кирпичников И.А., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

historiography of this topic is presented as a competition of three theoretical projects, the central provisions of which are subjected to systematic reconstruction. Within the framework of the “statist” interpretation of Russian history, which was dominant until the last decades of the 20th century, the regions were considered as temporary barriers to the establishment of a centralized state. The federalist conception, which emerged in the atmosphere of reformist expectations of the mid-19th century and has not been developed in subsequent historiography, describes the Muscovite state as an association of regions. Finally, recent studies of regionalism focus on the complex structure of relations between the state and regions, relying on the notion of integration and interactional approach. The proposed method of historiographical analysis gives the researcher a tool for conceptual reflection and can become a resource for theoretical imagination.

Keywords: *historiography, historical knowledge, intellectual history, national narrative, regionalism, region, federalism, Muskovy, Time of Troubles.*

Cite as: Kirpichnikov I.A. Regionalism in the History of Muscovite Russia: Problems of Conceptualization. *Prepodavatel XXI vek. Russian Journal of Education*, 2022, No. 3, part 2, pp. 272–285. DOI: 10.31862/2073-9613-2022-3-272-285

Acknowledgement: This paper was supported by the Russian Science Foundation, project No 22-18-00151 “The Changes in the Composition and Image of the Ruling Elite of the Russian State During the Turning Periods of Russian History in the 16-17th Centuries (Boyars rule, Oprichnina, Time of Troubles, Reigns of Alexey Mikhailovich, Fedor Alexeevich, the Regency of Princess Sophia)”. I would like to acknowledge the participants of the Baikal International School of Social Research 2022 for the fruitful discussion of some of the ideas of the article.

Вопрос о роли теории в историческом исследовании — одна из узловых проблем эпистемологии истории. Историки нередко воспринимают свои занятия как «ремесло», в котором для теории отводится чрезвычайно скромное место. Традиционный академический жанр *обзора историографии* транслирует образ кумулятивного накопления эмпирического «позитивного знания» о предмете. Между тем на

поверку оказывается, что построения историков содержат множество теоретических предположений, которые лишь в редких случаях обретают форму систематических концепций и нуждаются в критической реконструкции [1].

В данной статье предложен один из возможных подходов к анализу теоретических оснований исторического исследования¹. Историография рассматривается не

273

¹ Отмечу три перспективных подхода к историографии российской истории, которые отчасти близки к замыслу, реализованному в настоящей статье. 1) А.С. Усачев предложил метод анализа «историографических констант» (представлений, которые являлись инвариантными для исследователей различных поколений вне зависимости от теоретико-методологических и идеологических предпочтений) и сделал вывод о существовании «большого времени» (*longue durée*) российской историографии [2; 3]. Генеалогию этих идей можно возвести к наблюдениям П.Н. Милукова над «аксиомами» отечественного историописания [4, с. 127–159]. В некоторых отношениях к этой линии примыкает и интерпретация Д. Блэком «государственной школы» как преемственной по отношению к предшествующей историографии [5]. 2) А.А. Тесля изучает основоположения различных версий национального исторического нарратива [6–8]. Для данной традиции исследований немалое значение имеет известная критика «обычной схемы русской истории» М.С. Грушевским [9], среди любопытных реакций на которую профессиональных историков следует отметить размышления А.Е. Преснякова [10, с. 1–11]. 3) Н.Ш. Коллманн совершает в одной из своих работ примечательный экскурс в историю мысли об обществе и помещает идеи российских авторов относительно роли принуждения и консенсуса в контекст западноевропейской социальной теории [11, с. 277–288].

в качестве перечня достижений отдельных авторов, но как ряд теоретических проектов, сформировавшихся внутри дисциплины применительно к конкретной теме. Такой способ взаимодействия с идеями предшественников имеет неизбежные ограничения (производимой реконструкции легко поставить в упрек некоторую произвольность и недостаточное внимание к контексту), однако может стать для историка ценным инструментом рефлексии (экспликация и прослеживание генеалогии концептуальных допущений создают значимый эффект остранения) и сравнительного анализа, а также ресурсом теоретического воображения.

Центральный сюжет статьи — проблема регионализма в истории Московской Руси XVI–XVII вв.² Историография данной темы представлена как конкуренция трех концептуализаций. Первая предполагает, что регионы являются временными препятствиями, которые должны исчезнуть в ходе государственного строительства. Такой этатистский взгляд доминировал в историописании вплоть до последних десятилетий XX в., став для нескольких поколений исследователей неререфлексивным основанием мышления о российской истории. Вторая концептуализация представляет Московское государство как ассоциацию регионов. Предложенная в середине XIX в. историками-федералистами, эта идея не получила систематического развития в историографии. Наконец, третий теоретический проект, в фокусе которого находится структура взаимоотношений государства

и регионов, продолжает формироваться, и сегодня можно наметить лишь общие контуры этого нового направления.

Государство против регионов

Исчезновение регионального измерения — одна из парадоксальных черт традиционного нарратива российской истории. Привычное для читателя повествование организовано так, что в определенный момент разнообразие «собранных» московскими князьями земель магическим образом превращается в «централизованное государство». При описании периода, который предшествует этой трансформации, в поле внимания автора удерживаются соседние политические образования (например, Новгородская земля), однако после нее единственной данностью остается гомогенное пространство единого Московского государства. Подобная смена кадра (которая обеспечивается, как правило, делением текста на главы) характерна для абсолютного большинства обобщающих и учебных работ по истории России.

Рассмотрим основания такой логики. Важнейшей чертой традиционного нарратива является, во-первых, москвоцентризм. Давно отмечено, что представление о наследовании столичности по линии Киев — Владимир — Москва составляет одну из устойчивых констант историописания XVI–XX вв. [4, с. 149–159]. Генеалогия этой идеи восходит к династической истории московского правящего дома, сконструированной

² Систематический обзор исследований регионализма в Московской Руси не является задачей настоящей статьи. Единицами предложенного анализа являются традиции сходных теоретических решений, и ссылки на конкретные работы приводятся главным образом в иллюстративных целях. Некоторые общие соображения относительно истории и современного состояния изучения региональной проблематики в России можно найти в работах С. Смит-Петер (напр., [12]), применительно к периоду раннего Нового времени — С.О. Шмидта (напр., [13]). Кроме того, за рамками рассмотрения здесь остается обширный и самостоятельный историографический сюжет, связанный с украинскими землями.

древнерусскими книжниками. Как убедительно показал А.С. Усачев, данная схема была некритически перенесена из «Степенной книги» (памятника эпохи Ивана IV) на страницы исторических сочинений Нового времени [3]. Внимание исследователя, следующего в русле этой традиции, с неизбежностью фокусируется на Москве как безальтернативном «собирателе русских земель», наделенном эксклюзивными качествами.

Вторая фундаментальная характеристика традиционного нарратива — его государствоцентричный характер. В трудах классиков «государственной школы» XIX в., вдохновлявшихся философией Г. Гегеля, именно развитие государства (как «высшей формы общезития») было представлено в качестве лейтмотива истории России [14]. В этой логике абсолютное доминирование организующего «государственного начала» обуславливалось исходной неструктурированностью и кочевой природой народной массы. Неудивительно, что наследием «государственной школы» стало не только плодотворное изучение процессов колонизации [15, с. 342], но и туманное представление о допетровской Руси как однородном равнинном пространстве с чрезвычайно подвижным, неукорененным (и в то же время инертным) населением.

Наконец, третий концептуальный ингредиент традиционной схемы — конфликтоцентричное видение социальной динамики, также в значительной степени восходящее к историкам-гегельянцам [2, с. 104]. Московские князья рассматриваются в качестве носителей прогрессивного «государственного начала», которому

противостояла уходящая в прошлое «родовая старина». Рудиментом последней, в свою очередь, являлись удельные княжества. Процесс формирования государства фактически отождествляется с «собираанием земель», в ходе которого нивелировались слабые ростки местной жизни [16, с. 49–59]. В этой логике всякое проявление регионального разнообразия ассоциируется, прежде всего, с архаикой и воспринимается как признак несовершенства государства. Несовместимость государственной организации с любой формой фрагментации закрепляется в терминологической оппозиции «централизованного государства» и «феодальной раздробленности». Центр и регионы мыслятся как противоположности [17, с. 36], а их взаимоотношения описываются в качестве игры с нулевой суммой³.

Итак, единственный способ вообразить регионы в рамках данной традиции — рассмотрение их в качестве временных препятствий, успешно преодоленных московскими правителями на пути государственного строительства. Такая концептуальная рамка оказала значительное влияние на развитие историографии. Показательны в этом отношении выводы, к которым на основе изучения исследовательской литературы приходили иностранные авторы, специально интересовавшиеся региональной проблематикой и стремившиеся встроить российский опыт в свои сравнительные проекты. В эссе немецкого историка Д. Герхарда утверждалось, что организация московского общества XVI–XVII вв. гораздо больше напоминает текучесть американского Дикого Запада, чем

³ Удачное выражение из доклада Я. Глете, который констатирует распространенность такого взгляда: “In political history and historical sociology, central and local power have often been analysed as antagonistic. Interaction between them has in the past usually been described as a zero-sum game where the gain of one side equals the loss of the other. In this perspective the growth of central state power is regarded as a decline of local power while the presence of powerful local societies indicates that the central state must be weak” [18, с. 1].

западноевропейский сословный регионализм [19]. Знакомые по трудам «государственной школы» мотивы неукорененности населения и отсутствия провинциального партикуляризма в России прозвучали и в монографии классика французской историографии Р. Мунье о крестьянских восстаниях раннего Нового времени [20, с. 153–229; 21, с. 190–192]. В этих текстах в эксплицитной форме воспроизведены идеи, которые являлись непроблематичными, по умолчанию принимаемыми предпосылками для нескольких поколений исследователей российской истории.

Господство такой системы представлений привело к тому, что региональная тематика длительное время игнорировалась историографическим мейнстримом. Целый пласт сочинений провинциальных авторов, посвященных местным сюжетам, «видели, но как будто не замечали» [22, с. 18]; их находки использовались в лучшем случае как «источник уточнений отдельных деталей в исторических построениях обобщающего характера» [23, с. 41]. Следуя сложившемуся канону, профессиональные историки доводили изучение отдельных земель до момента ликвидации независимости и не уделяли внимания их дальнейшей судьбе в составе Московского государства [15, с. 244]. Так, в 1909 г. С.Ф. Платонов отмечал, что «ни одной книжки» не написано по истории Новгорода XVI–XVII вв. [24, с. 11]. Много десятилетий спустя В.Б. Кобрин вновь констатировал, что «историю княжеств в нашей литературе обычно завершают тогда, когда они стали частью единого государства» [25, с. 49; 26, с. 3; 27, с. 7].

Исследователи обращались к проблеме регионального разнообразия Московской

Руси главным образом в историко-географическом жанре [28, с. 3–11]. Под этой рубрикой написана, в частности, фундаментальная монография М.Н. Тихомирова «Россия в XVI столетии» [там же]. Ключевыми единицами анализа в ней выступают отдельные регионы, особенности которых подвергнуты систематическому и детальному изучению. Однако для того, чтобы вписать исследование в конвенциональную теоретическую рамку, автор последовательно подчеркивает «незавершенность процессов централизации». Государству предстояло в результате «длительной борьбы» ликвидировать «пережитки феодальной раздробленности», просто произошло это не в начале XVI в., как обычно считалось, а столетием позже⁴. Легитимировать предмет своего интереса исследователю позволило ленинское высказывание о «живых следах прежней автономии», которые «сохранились вплоть до XVII века». Характерно, что заключение к этому масштабному труду занимает лишь полтора абзаца и начинается с фразы о том, что проделанная работа «не нуждается» в выводах [28, с. 524]. В отсутствие концептуальных новаций богатый материал, свидетельствующий о высокой сложности региональной структуры Московского государства, оказался невостребованным для обобщений.

Таким образом, в рамках рассмотренной историографической традиции не было создано концептуализации, которая позволяла бы описывать региональное разнообразие в условиях существования единого государства. Регионализм оставался неразличимым для историков Московской Руси, поскольку предполагалось, что он исчезает в результате «процессов централизации». Рассуждая о

⁴ Представление о борьбе московских правителей с рудиментами «раздробленности» на всем протяжении XVI в. («XVI столетие — не борьба дворян и бояр, а борьба с уделами») нашло яркое выражение в концепции опричнины А.А. Зимина [29; 30].

перспективах исследования локальных служилых объединений, идею этого теоретического тупика ярко сформулировал В.Б. Кобрин: «В этой связи возникает еще один вопрос, требующий ответа. Каковы были судьбы уездных служило-землевладельческих корпораций, о которых речь шла в книге? Формально они сохранились и в XVII в. Но прежней ли была их социальная роль? В XVI в. они во многом были реликтами удельного времени, тормозом на пути консолидации феодалов разных земель в общерусский класс. Но ведь в XVII в. эта консолидация как будто завершилась» (курсив мой — И.К.) [25, с. 221].

В историографических анналах между тем можно обнаружить забытую линию, в рамках которой был предложен иной способ мышления о регионах в российской истории.

Государство как федерация регионов

На рубеже 1850–1860-х гг. региональная проблематика стала предметом устойчивого интереса со стороны историков, за которыми закрепилось название федералистов. Последовательно критикуя «теорию государственной централизации», они позиционировали свои взгляды в качестве альтернативы господствовавшему нарративу. Получив стремительную популярность в атмосфере реформаторских ожиданий, эти идеи вскоре были оставлены самими авторами и не имели дальнейшего развития [23]. Воззрения федералистов вдохновили несколько поколений сибирских областников, но не оказали значимого влияния на историографию. Наибольший интерес в свете рассматриваемого нами сюжета представляет земско-областная теория А.П. Щапова, систематическая реконструкция которой представлена в исследованиях Й. Вахендорфа [31] и В.В. Боярченкова [16].

Краеугольным элементом этой концепции является представление о «начале общности», развитием которого можно объяснить весь ход российской истории — «до централизации и после централизации». А.П. Щапов предлагает рассматривать историю России как эволюцию ассоциаций областей (или провинций, т. е. регионов) от «особно-областного» к «соединенно-областному» союзу. Содержание первого этапа составляет «органическое саморазвитие» независимых областных общин, которые сохранили самобытный характер и в московский период. Централизация являлась для регионов исключительно внешним фактором (механическим «собираанием земель», справленным насилием и административным принуждением), не порождая «внутренней органической связи областей с Москвой». В Смутное время — один из изблюбленных исторических периодов А.П. Щапова [32] — эта непрочная федерация распалась, восстав против централизаторского давления столицы («земско-областной переворот»), чтобы после периода розни добровольно соединиться на более прочных основаниях.

Прочтение всей истории допетровской Руси как эволюции форм сосуществования регионов — сильный теоретический ход, который дает значимые преимущества. Концепция А.П. Щапова не предполагает момента, в котором разнообразие обособленных земель парадоксальным образом сливается в гомогенное «централизованное государство». В этой логике происходит последовательный отказ от московцентричного взгляда: место главных исторических субъектов занимают регионы, развитие которых в XVI–XVII вв. становится легитимным предметом для самоценного изучения.

Однако цена отказа от традиционной схемы повествования оказывается высокой.

Гипостазируя областность в качестве вневременного «начала» и постулируя континуитет в истории отдельных областей, подход федералистов остается недостаточно чувствительным к трансформациям региональных структур и не позволяет полноценно охарактеризовать роль центральной власти в таких изменениях. Так, например, рассмотренная концептуализация дает весьма ограниченные возможности для анализа случая Новгородской земли, где московское правительство произвело «вывод» (насильственное переселение с конфискацией собственности) ключевых групп населения и демонтировало традиционные политические институты. Насколько уместно утверждение о преемственном и самодостаточном развитии «области» при подобных качественных изменениях социально-политической организации, и можно ли в данном случае вынести за скобки государство (роль которого — лишь «внешнее обобщение областности»)? Сама постановка таких вопросов потребует, как представляется, пересмотра базовых положений федералистской концепции, которая остается тем не менее оригинальным и важным опытом осмысления региональной проблематики в историографии Московской Руси.

Государство и регионы: интеграция и регионализм

Первый из теоретических проектов, представленных в настоящей статье, можно считать исчерпанным после более чем столетнего доминирования в российском историописании; вторая из обозначенных программ оказалась на долгое время забытой и осталась нереализованной в исследовательской практике. В отличие от них третья концепция продолжает динамично развиваться,

поэтому сегодня можно лишь предварительно наметить некоторые черты и возможные перспективы этого направления. Единственной попыткой систематического осмысления современного состояния историографии являются программные работы С.Н. Богатырева, на которые мы будем опираться в дальнейшем анализе [17; 33].

Центральной категорией исследований регионализма в Московской Руси становится понятие *интеграции*, которое позволяет проблематизировать формирование единства из множественности как длительный и сложный трансформационный процесс. Такой подход преодолевает этатистские представления о естественной гомогенизации пространства и исчезновении местного своеобразия после присоединения очередной территории. Напротив, для исследователя интеграции именно этот момент — точка отсчета в изучении наиболее интересных явлений. Например, работа об интеграции Нижегородской земли может охватывать полтора столетия с момента ликвидации независимости княжества [34]. В фокусе внимания историка оказывается проблема соотношения преемственности и изменений, что дает возможность уйти и от федералистского постулата о неproblemатичном континуитете «областной» жизни. Открывается широкое поле сравнительного исследования путей интеграции — вариантов развития этого процесса в локальных контекстах [35; 36].

Процесс интеграции обуславливается взаимодействиями различных акторов. Интеракционный подход означает последовательный отказ от картины, при которой регионы в одностороннем порядке подвергаются целенаправленному централизаторскому воздействию со стороны государственной власти. Такая политика (рассматриваемая как набор различных

«стратегий»)⁵, является важным, но далеко не единственным фактором развития интеграции. Вполне закономерными становятся, в частности, вопросы о субъектности региональных сообществ и влиянии новоприсоединенных территорий на центр⁶. Однако более значимое усложнение происходит при различении множества разнообразных акторов, ролей, отношений, лояльностей и интересов, которые скрываются за условной дихотомией реифицированных «государства» и «региона»⁷. Историк оказывается перед необходимостью использования подхода, который можно вслед за А.И. Миллером (специалистом по более поздней эпохе) назвать ситуационным: «Задача в том, чтобы выявить участвовавших во ... взаимодействии акторов и понять логику их поведения, т. е. реконструировать ситуацию взаимодействия в возможной полноте» [38, с. 18].

Такая исследовательская повестка делает менее принципиальным вопрос о содержании понятия региона, но не снимает этой важной проблемы. Справедливо отмечено, что попытки дать эссенциалистское определение и сформулировать объективные критерии вычленения регионов имеют весьма ограниченный потенциал. Более продуктивным видится предложение рассматривать регион как изменчивый и относительный элемент воображаемой географии, «результат взаимодействия внутренних и внешних факторов» [17, с. 40; 37, с. 9–15]. Предметом специального изучения становятся способы

репрезентации пространственной структуры государства [39; 40] и значение региональных аффилиаций в иерархиях идентичности его жителей [37, с. 58–100]. Последний сюжет приводит к вопросу о том, в какой мере, при каких обстоятельствах и под воздействием каких механизмов разрозненные социальные группы могли выступать в качестве единого территориального сообщества [33].

Переосмысление роли регионализма в Московской Руси связано с влиятельными работами последних десятилетий, авторы которых подвергли критике идею деспотической власти московских государей. В условиях ограниченности ресурсов фискально-военные государства раннего Нового времени могли успешно развиваться только с опорой на локальные сообщества, которые сохраняли значительные пространства автономии [11; 33; 37; 39; 41]. Регионализм мыслится, таким образом, не как препятствие, но как конструктивный элемент государственного устройства. Постулирование перманентной конфликтности между центром и регионами сменяется акцентом на консенсусе и сотрудничестве, благодаря которым достигалась долговременная устойчивость самодержавия. Перспективной представляется дискуссия историков-русистов о концепции «композиционной монархии» [42], которая позволяет в сравнительном ключе осмысливать сложную неоднородность территориальной структуры династических государств раннего Нового времени.

⁵ Выражение «стратегии интеграции», вошедшее в употребление среди историков-русистов после работы Н.Ш. Коллманн [11], необходимо, впрочем, использовать с осторожностью. Вопрос о наличии таких политических «стратегий», как спланированных долгосрочных сценариев, в каждом случае нуждается в специальном исследовании.

⁶ Например, правящая элита Московского государства («государев двор») может быть рассмотрена как сложный конгломерат групп регионального происхождения («корпорация корпораций» [35]), в рамках которого включение каждой новой группы меняло ранее сложившуюся констелляцию.

⁷ Такая постановка проблемы характерна, в частности, для исследований локальных администраторов, в практике которых, как отмечает В. Кивельсон, размывалась граница между «государством» и «обществом» [37, с. 129–131].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мегилл, А. Роль теории в историческом исследовании и историописании // Историческая наука сегодня: Теории, методы, перспективы / под ред. Л.П. Репиной. М.: Либроком, 2011. С. 24–40.
2. Усачев, А.С. Longue duree российской историографии // Общественные науки и современность. 2002. № 2. С. 102–113.
3. Усачев, А.С. «Долгий XVI век» российской историографии // Общественные науки и современность. 2008. № 2. С. 104–115.
4. Миллюков, П.Н. Главные течения русской исторической мысли. М.: Типолиитография товарищества И.М. Кушнерева, 1898. Т. 1. 396 с.
5. Black, J.L. The “State School” Interpretation of Russian History: A Re-Appraisal of Its Genetic Origins // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1973. Bd. 21. H. 4. P. 509–530.
6. Тесля, А.А. В спорах о марксистской концепции русской истории: между автономией государства и НЭПом // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 6. № 1. С. 213–232.
7. Тесля, А.А. Революционная версия русского национального исторического нарратива: «О развитии революционных идей в России» А.И. Герцена // Социология власти. 2021. Т. 33. № 2. С. 59–79.
8. Тесля, А.А. «Русский народ» и «Российское государство»: Н.А. Полевой vs Н.М. Карамзин // Тетради по консерватизму. 2016. Т. 3. № 4. С. 81–95.
9. Грушевский, М.С. Звичайна схема “русскої” історії й справа раціонального укладу історії східного словянства // Статті по славяноведению. Вып. 1. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1904. С. 298–304.
10. Пресняков, А.Е. Лекции по русской истории: Киевская Русь. М.: Соцэкгиз, 1938. 280 с.
11. Коллманн, Н.Ш. Соединенные чество. Государство и общество в России раннего нового времени. М.: Древнехранилище, 2001. 240 с.
12. Smith-Peter, S. How to Write a Region: Local and Regional Historiography // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2004. Vol. 5. № 3. P. 527–542.
13. Шмидт, С.О. Региональная история России XVI и XVII вв. в российской историографии // Die Geschichte Russlands im 16. und 17. Jahrhundert aus der Perspektive seiner Regionen. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2004. P. 15–37.
14. Киреева, Р.А. Государственная школа: историческая концепция К.Д. Кавелина и Б.Н. Чичерина. М.: ОГИ, 2004. 512 с.
15. Рубинштейн, Н.Л. Русская историография / под ред. А.Ю. Дворниченко, Ю.В. Кривошеева, М.В. Мандрик. СПб.: Санкт-Петербургский университет, 2008. 938 с.
16. Боярченков, В.В. Историки-федералисты: концепция местной истории в русской мысли 20–70 годов XIX века. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 256 с.
17. Bogatyrev, S. Регионализм в Московской Руси // Studia slavica finlandensia. Helsinki: Neuvostoliitto instituutti, 2003. Т. 20. P. 35–47.
18. Glete, J. Local Elites and Complex Organisations. Interaction, Innovations and the Emergence of the Early Modern Fiscal-Military States. Paper to the conference “War and the Golden Age: the Netherlands in comparative perspective, c. 1550–1700”, Rijswijk, 19–21 December, 2005. URL: https://www2.historia.su.se/personal/jan_glete/Glete-Local_Elites_Complex_Org.pdf (дата обращения: 01.08.2022).
19. Gerhard, D. Regionalismus und Ständisches Wesen als ein Grundthema Europäischer Geschichte // Historische Zeitschrift. 1952. Bd. 174. P. 307–337.

20. *Mousnier, R.* Peasant Uprisings in Seventeenth-Century France, Russia, and China. London: George Allen & Unwin LTD, 1972. 358 p.
21. *Кром, М.М.* Введение в историческую компаративистику. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. 248 с.
22. *Севастьянова, А.А.* История и историки в провинции и столицах. М.: Квадрига, 2020. 368 с.
23. *Боярченков, В.В.* «Русская история в самой основе своей есть... история областей»: провинциализм, народность и колонизация в историческом дискурсе федералистов эпохи Великих реформ // Регионы Российской империи. Идентичность, репрезентация, (на)значение / под ред. Е. Болтуновой, В. Сандерленда. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 30–51.
24. *Платонов, С.Ф.* Великий Новгород до его подчинения Москве в 1478 году и после подчинения до Ништадского мира 1721 г. (конспект лекции, читанный в 1909 году в Новгородском обществе любителей древности). Новгород: Губернская типография, 1916. 11 с.
25. *Кобрин, В.Б.* Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.). М.: Мысль, 1985. 279 с.
26. *Пронштейн, А.П.* Великий Новгород в XVI веке: очерк социально-экономической и политической истории русского народа / под ред. акад. М.Н. Тихомирова. Харьков: Издательство ХГУ, 1957. 288 с.
27. *Масленникова, Н.Н.* Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. Л.: Издательство ЛГУ, 1955. 196 с.
28. *Тихомиров, М.Н.* Россия в XVI столетии. М.: АН СССР, 1962. 584 с.
29. *Базанов, М.А.* От «москвоцентризма» к «полицентризму»: эволюция взглядов А.А. Зимина // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: История. 2009. № 4 (142). Вып. 29. С. 140–147.
30. *Зимин А.А.* Опричнина (авт. предисл. А.Л. Хорошкевич). М.: Территория, 2001. 447 с.
31. *Wachendorf, J.* Regionalismus, Raskol und Volk als Hauptprobleme der Russischen Geschichte bei A.P. Ščapov. Köln: Universität zu Köln, 1964. 216 p.
32. *Щапов, А.П.* Великорусские области и смутное время (1606–1613) // Сочинения А.П. Щапова: в 3 т. Т. 1. СПб.: Издательство М.В. Пирожкова, 1906. С. 648–709.
33. *Bogatyrev, S.* Localism and Integration of Muscovy // *Russia Takes Shape: Patterns of Integration from the Middle Ages to the Present* / ed. by S. Bogatyrev. Helsinki: Academy of Sciences and Finnish Letters, 2004. P. 59–127.
34. *Чеченков, П.В.* Нижегородский край в конце XIV — третьей четверти XVI в.: внутреннее устройство и система управления. Нижний Новгород: Комитет по делам архивов Нижегородской области, 2004. 140 с.
35. *Бенцианов, М.М.* «Князья, бояре и дети боярские». Система служебных отношений в Московском государстве в XV–XVI вв. М.: Центрполиграф, 2019. 351 с.
36. *Флоря, Б.Н.* О путях политической централизации Русского государства (на примере Тверской земли) // Общество и государство феодальной России. М.: Наука, 1975. С. 281–290.
37. *Kivelson, V.A.* Autocracy in the Provinces: The Muscovite Gentry and Political Culture in the Seventeenth Century. Stanford: Stanford University Press, 1996. 372 p.
38. *Миллер, А.И.* Новая история Российской империи: региональный или ситуационный подход? // Азиатская Россия: люди и структуры империи / под ред. Н.Г. Суворовой. Омск: Издательство ОмГУ, 2005. С. 7–23.
39. *Кивельсон, В.* Картографии царства: Земля и ее значения в России XVII века. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 358 с.

40. Хорошкевич, А.Л. Отражение представлений о регионах государства всяя Руси и Российского царства в великокняжеской и царской титулатуре XVI в. // Die Geschichte Russlands im 16. und 17. Jahrhundert aus der Perspektive seiner Regionen. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2004. P. 102–127.
41. Александров, В.А., Покровский, Н.Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск: Наука, 1991. 401 с.
42. Filyushkin, A. Why Did Russia Not Become a Composite State? // Russian History. 2021. Vol. 47. № 3. P. 201–223.

REFERENCES

1. Megill, A. Rol teorii v istoricheskom issledovanii i istoriopisanii [Role of Theory in Historical Studies and History-Writing]. In: *Istoricheskaja nauka segodnja: Teorii, metody, perspektivy* [Historical Studies Today. Theories. Methods. Perspectives], ed. by L.P. Repina. Moscow, Librokom, 2011, pp. 24–40. (in Russ.)
2. Usachev, A.S. Longue duree rossijskoj istoriografii [The Longue Durée of Russian Historiography], *Obshchestvennye nauki i sovremennost* = Social Sciences and Current Times, 2002, No. 2, pp. 102–113. (in Russ.)
3. Usachev, A.S. “Dolgii XVI vek” rossijskoj istoriografii [“The Long 16th Century” of Russian Historiography], *Obshchestvennye nauki i sovremennost* = Social Sciences and Current Times, 2002, No. 2, pp. 104–115. (in Russ.)
4. Miljukov, P.N. *Glavnye techenija russkoj istoricheskoi mysli* [Main Currents of the Russian Historical Thought]. Moscow, Tipolitografija tovarishhestva I.M. Kushnereva, 1898, vol. 1, 396 p. (in Russ.)
5. Black, J.L. The “State School” Interpretation of Russian History: A Re-Appraisal of Its Genetic Origins. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, 1973, Bd. 21, H. 4, pp. 509–530.
6. Teslya, A.A. V sporah o marksistskoj koncepcii russkoj istorii: mezhdru avtonomiej gosudarstva i NEPom [In Disputes over the Marxist Concept of Russian History: Between the Autonomy of the State and the NEP], *Filosofiya. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki* = Philosophy. Journal of the Higher School of Economics, 2022, vol. 6, No. 1, pp. 213–232. (in Russ.)
7. Teslya, A.A. Revolyucionnaya versiya russkogo nacionalnogo istoricheskogo narrativa: “O razvitii revolyucionnyh idej v Rossii” A.I. Gercena [Revolutionary Version of the Russian National Historical Narrative: Herzen’s “On the Development of Revolutionary Ideas in Russia”], *Sociologija vlasti* = Sociology of Power, 2021, vol. 33, No. 2, pp. 59–79. (in Russ.)
8. Teslya, A.A. “Russkij narod” i “Rossijskoe gosudarstvo”: N.A. Polevoj vs N.M. Karamzin [“Russian People” and “Russian State”: N.A. Polevoy vs N.M. Karamzin], *Tetradj po konservatizmu* = Notebooks on Conservatism, 2016, vol. 3, No. 4, pp. 81–95. (in Russ.)
9. Grushevskij, M.S. Zvichajna shema “russkoj” istorii j sprava racionalnogo ukladu istorii shidnogo slovjanstva [The Traditional Scheme of “Russian” History and the Problem of a Rational Organization of the History of the East Slavs], *Stati po slavyanovedeniju* = Articles on Slavic Studies, 1904, No. 1, pp. 298–304.
10. Presnjakov, A.E. *Lekcii po russkoj istorii: Kievskaya Rus* [Lectures on Russian History: Kievan Rus]. Moscow, Socekgiz, 1938, 280 p. (in Russ.)
11. Kollmann, N.S. *Soedinjonnye chestju. Gosudarstvo i obshchestvo v Rossii rannego novogo vremeni* [By Honor Bound: State and Society in Early Modern Russia]. Moscow, Drevnehranilishe, 2001, 240 p. (in Russ.)

12. Smith-Peter, S. How to Write a Region: Local and Regional Historiography. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 2004, vol. 5, No. 3, pp. 527–542.
13. Shmidt, S.O. Regionalnaja istorija Rossii XVI i XVII vv. v rossijskoj istoriografii [Regional History of Russia in the 16th and 17th Centuries in Russian Historiography]. In: *Die Geschichte Russlands im 16. und 17. Jahrhundert aus der Perspektive seiner Regionen* [The History of Russia in the 16th and 17th Centuries from the Perspective of Its Regions]. Wiesbaden, Harrassowitz Verlag, 2004, pp. 15–37. (in Russ.)
14. Kireeva, R.A. *Gosudarstvennaja shkola: istoričeskaja koncepcija K.D. Kavelina i B.N. Chicherina* [State School: Historical Theory of K.D. Kavelin and B.N. Chicherin]. Moscow, Obedinennoe gumanitarnoe izdatelstvo, 2004, 512 p. (in Russ.)
15. Rubinshtejn, N.L. *Russkaja istoriografija* [Russian Historiography], ed. A.J. Dvornichenko, J.V. Krivosheev, M.V. Mandrik. St. Petersburg, Sankt-Peterburgskij universitet, 2008, 938 p. (in Russ.)
16. Bojarchenkov, V.V. *Istoriki-federalisty: koncepcii mestnoj istorii v russkoj mysli 20–70 godov XIX veka* [Federalist Historians: Concepts of Local History in Russian Thought in the 20s–70s of the 19th Century]. St. Petersburg, Dmitrij Bulanin, 2005, 256 p. (in Russ.)
17. Bogatyrev, S. Regionalizm v Moskovskoj Rusi [Regionalism in Muscovy]. In: *Studia slavica finlandensia*, vol. 20. Helsinki, Neuvostoliitto instituutti, 2003, pp. 35–47. (in Russ.)
18. Glete, J. Local Elites and Complex Organisations. Interaction, Innovations and the Emergence of the Early Modern Fiscal-Military States. *Paper to the conference “War and the Golden Age: the Netherlands in comparative perspective, c. 1550–1700”*, Rijswijk, 19–21 December, 2005. Available at: https://www2.historia.su.se/personal/jan_glete/Glete-Local_Elites_Complex_Org.pdf (accessed: 01.08.2022).
19. Gerhard, D. Regionalismus und Ständisches Wesen als ein Grundthema Europäischer Geschichte. *Historische Zeitschrift*, 1952, Bd. 174, pp. 307–337.
20. Mousnier, R. *Peasant Uprisings in Seventeenth-Century France, Russia, and China*. London, George Allen & Unwin LTD, 1972, 358 p.
21. Krom, M.M. *Vvedenie v istoričeskiju komparativistiku* [An Introduction to Historical Comparison]. St Petersburg, Izdatelstvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2015, 248 p. (in Russ.)
22. Sevastjanova, A.A. *Istorija i istoriki v provincii i stolicalah* [History and Historians in the Provinces and Capitals]. Moscow, Kvadriga, 2020, 368 p. (in Russ.)
23. Bojarchenkov, V.V. “Russkaja istorija v samoj osnove svoej est... istorija oblastej”: provincializm, narodnost i kolonizacija v istoričeskom diskurse federalistov epohi Velikih reform [“Russian History at Its Very Core is... the History of the Regions”: Provincialism, Nationality and Colonization in the Historical Discourse of the Federalists of the Era of the Great Reforms]. In: *Regiony Rossijskoj imperii. Identičnost, reprezentacija, (na)znachenie* [Regions of the Russian Empire. Identity, Representation, Meaning], ed. E. Boltunova, W. Sunderland. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2021, pp. 30–51. (in Russ.)
24. Platonov, S.F. *Velikij Novgorod do ego podčinenija Moskve v 1478 godu i posle podčinenija do Nishtadskogo mira 1721 g.* [Veliky Novgorod before Its Subjugation to Moscow in 1478 and After Its Subordination until the Peace of Nishtad in 1721]. Novgorod, Gubernskaja tipografija, 1916, 11 p. (in Russ.)
25. Kobrin, V.B. *Vlast i sobstvennost v srednevekovoj Rossii (XV–XVI vv.)* [Power and Property in Medieval Russia (15th–16th Centuries)]. Moscow, Mysl, 1985, 279 p. (in Russ.)

26. Pronshtejn, A.P. *Velikij Novgorod v XVI veke: ocherk socialno-ekonomicheskoy i politicheskoy istorii russkogo naroda* [Veliky Novgorod in the XVI Century: An Essay on the Socio-Economic and Political History of the Russian People], ed. M.N. Tikhomirov. Harkov, Harkovskij gosudarstvennyj universitet, 1957, pp. 3–7. (in Russ.)
27. Maslennikova, N.N. *Prisoedinenie Pskova k Russkomu centralizovannomu gosudarstvu* [The Incorporation of Pskov to the Russian Centralized State]. Leningrad, Izdatelstvo Leningradskogo universiteta, 1955, 196 p. (in Russ.)
28. Tihomirov, M.N. *Rossija v XVI stoletii* [Russia in the 16th Century]. Moscow, Akademiya nauk SSSR, 1962, 584 p. (in Russ.)
29. Bazanov, M.A. Ot “moskvocentrizma” k “policentrizmu”: evolyuciya vzglyadov A.A. Zimina [From “Moscow-Centrism” to “Polycentrism”: The Evolution of A.A. Zimin Conception], *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya* = Bulletin of the Chelyabinsk State University, Ser. History, 2009, No. 4 (142), iss. 29, pp. 140–147. (in Russ.)
30. Zimin, A.A. *Oprichnina* (avt. predisl. A.L. Horoshkevich) [Oprichnina (Author’s Preface by A.L. Khoroshkevich)]. Moscow, Territorija, 2001, 447 p. (in Russ.)
31. Wachendorf, J. *Regionalismus, Raskol und Volk als Hauptprobleme der Russischen Geschichte bei A.P. Ščapov*. Köln, Universität zu Köln, 1964, 216 p.
32. Shchapov, A.P. *Velikoruskie oblasti i smutnoe vremya (1606–1613)* [Great Russia Regions and Time of Troubles (1606–1613)]. In: *Sochinenija A.P. Shchapova* [Works by A.P. Shchapov, vol. 1]. St. Petersburg, Izdatelstvo M.V. Pirozhkova, 1906, pp. 648–709. (in Russ.)
33. Bogatyrev, S. Localism and Integration of Muscovy. In: *Russia Takes Shape: Patterns of Integration from the Middle Ages to the Present*, ed. S. Bogatyrev. Helsinki, Academy of Sciences and Finnish Letters, 2004, pp. 59–127.
34. Chechenkov, P.V. *Nizhegorodskij kraj v konce XIV — tretej četverti XVI v.: vnutrennee ustrojstvo i sistema upravlenija* [Nizhny Novgorod Region at the End of the 14th — the Third Quarter of the 16th Century: Internal Structure and Administrative System]. Nizhnij Novgorod, Komitet po delam arhivov Nizhegorodskoj oblasti, 2004, 140 p. (in Russ.)
35. Bentsianov, M.M. “Knyazya, boyare i deti boyarskie”. *Sistema sluzhebnykh otnoshenij v Moskovskom gosudarstve v XV–XVI vv.* [“Princes, Boyars and Boyar Children”. The System of Official Relations in the Moscow State in the XV–XVI Centuries]. Moscow, Centropoligraf, 2019, 351 p. (in Russ.)
36. Florya, B.N. O putyah politicheskoy centralizacii Russkogo gosudarstva (na primere Tverskoj zemli) [On the Ways of Political Centralization of the Russian State (On the Example of Tver Land)]. In: *Obshchestvo i gosudarstvo feodalnoj Rossii* [Society and the State of Feudal Russia]. Moscow, Nauka, 1975, pp. 281–290. (in Russ.)
37. Kivelson, V.A. *Autocracy in the Provinces: The Muscovite Gentry and Political Culture in the Seventeenth Century*. Stanford, Stanford University Press, 1996, 372 p.
38. Miller, A.I. Novaja istorija Rossijskoj imperii: regionalnyj ili situacionnyj podhod? [New History of the Russian Empire: Regional or Situational Approach?]. In: *Aziatskaya Rossiya: lyudi i struktury imperii* [Asiatic Russia: People and Structures of the Empire], ed. by N.G. Suvorova. Omsk, Omskij gosudarstvennyj universitet, 2005, pp. 7–23. (in Russ.)
39. Kivelson, V. *Kartografii carstva: Zemlya i ee znacheniya v Rossii XVII veka* [Cartographies of Tsardom: The Land and Its Meanings in Seventeenth-Century Russia]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2012, 358 p. (in Russ.)
40. Horoshkevich, A.L. Otrazhenie predstavlenij o regionah gosudarstva vseja Rusi i Rossijskogo carstva v velikoknjazheskoj i carskoj titulature XVI v. [Representation of Regionalism in the

Grand Ducal and Royal Titles of the 16th Century]. In: *Die Geschichte Russlands im 16. und 17. Jahrhundert aus der Perspektive seiner Regionen* [The History of Russia in the 16th and 17th Centuries from the Perspective of Its Regions]. Wiesbaden, Harrassowitz Verlag, 2004, pp. 102–127. (in Russ.)

41. Aleksandrov, V.A., Pokrovskij, N.N. *Vlast i obshchestvo. Sibir v XVII v.* [Power and Society. Siberia in the 17th Century]. Novosibirsk, Nauka, 1991, 401 p. (in Russ.)
42. Filyushkin, A. Why Did Russia Not Become a Composite State? *Russian History*, 2021, vol. 47, No. 3, pp. 201–223.

Кирпичников Иван Алексеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет, ivkirs@mail.ru

Ivan A. Kirpichnikov, PhD in History, Senior Researcher, St. Petersburg State University, ivkirs@mail.ru

Статья поступила в редакцию 15.08.2022. Принята к публикации 02.09.2022

The paper was submitted 15.08.2022. Accepted for publication 02.09.2022